

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Чжан Явень

**ФЕНОМЕН ДУЭЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА:
ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 5. 9. 1. – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель *Москвин Георгий Владимирович,
кандидат филологических наук*

Официальные оппоненты *Киселева Ирина Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской и зарубежной
литературы ФГАОУ ВО «Государственный
университет просвещения»*

*Кулагина Ольга Львовна,
доктор филологических наук, старший
научный сотрудник кафедры литературно-
художественной критики и публицистики
факультета журналистики ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

*Дубинина Татьяна Геннадьевна,
кандидат филологических наук, научный
сотрудник ФГБУН «Институт мировой
литературы им А.М. Горького Российской
академии наук»*

Защита диссертации состоится «12» сентября 2024 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП 1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3086>

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена исследованию феномена дуэли в русской литературе XIX века в ее идейно-художественных и социально-исторических аспектах.

Дуэль как «целостное театрализованное действие-жертвоприношение ради чести»¹ восходит к рыцарским традициям средневековой Европы, при этом в разных странах в разные исторические периоды имела свою специфику. В Россию дуэль пришла из Франции, однако до конца XIX в. не имела формального свода правил. Русские «стрелялись не по писаному, а полагаясь на традицию, общественное мнение и свои личные представления о чести»². Таким образом, дуэль в России становилась своеобразным социокультурным явлением, которое претерпевало свою эволюцию и получало нюансы, характерные для русского менталитета.

Литература неизменно запечатлевает культурно-историческую реальность в определенную эпоху, соответственно, русская литература XIX в. неоднократно обращалась к теме дуэли, таким образом, во многих произведениях отмеченного периода содержатся сцены и эпизоды дуэли, например: «Испытание» А.А. Бестужева-Марлинского; «Ятаган» Н.Ф. Павлова; «Евгений Онегин», «Выстрел», «Капитанская дочка» А.С. Пушкина; «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова; «Большой свет» В.А. Соллогуба; «Обыкновенная история» И.А. Гончарова; «Бретер», «Рудин», «Отцы и дети» И.С. Тургенева; «Война и мир» Л.Н. Толстого; «Бесы» Ф.М. Достоевского; «Иванов», «Медведь», «Дуэль» А.П. Чехова и т.д. Важно отметить, что в художественной литературе дуэль как способ разрешения конфликтных положений, заключающиеся в ней эмоциональная тональность и идейное содержание определялись авторским замыслом при создании образов героев, сюжета и идеи произведения. В связи с этим изображение дуэли в русской художественной литературе отличалось многообразием стилистических приемов и смысловых акцентов,

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 174.

² Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб., 1998. С. 6.

что обуславливает исследовательский интерес к этому феномену и намечает перспективы его изучения.

Степень разработанности темы исследования. В истории изучения³ темы дуэли в русской литературе XIX в. отмечается неполнота исследований, что объясняется несколькими факторами: во-первых, значительная часть работ носит историко-ретроспективный характер, будучи посвященной исследованию трагических дуэлей двух великих писателей – А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова⁴. Во-вторых, во второй половине XIX в. в истории появляется другое направление изучения: исследование *культурного кода* дуэли как составляющей части повседневной жизни русского дворянства. В связи с этим необходимо отметить работу Ю.М. Лотмана⁵, которая до сих пор остается авторитетным примером теоретического осмысления русской дуэли. На рубеже XX – XXI вв. были опубликованы монографии А.В. Вострикова⁶, Я.А. Гордина⁷, А.В. Кацуры⁸, которые внесли свой вклад в изучение этого культурного явления. В их работах художественная литература, в которой изображался поединок, чаще всего выступает в роли исторического материала – аргумента для обоснования выдвинутых в них положений. В-третьих, хотя в последнее десятилетие в современном литературоведении наблюдается усиление интереса к анализу дуэли как самостоятельного явления, в настоящее время фактически отсутствуют работы, представляющие целостное системное исследование темы дуэли в русской литературе XIX в. Единственным исключением является монография И.В. Рейфман «Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе» (2002). Исследовательница останавливается на дуэльном дискурсе XVIII в., затем анализирует изображение поединков в творчестве двух писателей – А.А. Бестужева-Марлинского и Ф.М. Достоевского, однако, к

³ Подробное представление об истории изучения темы исследования посвящен отдельный параграф данной диссертационной работы (1.2. «Изображение дуэли в русской литературе XIX в.: история изучения»).

⁴ Например: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина [Текст]: Исследование и материалы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 550 с.; *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. СПб.: Рус. - Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. – 495 с.; *Захаров В. А.* Дуэль и смерть поручика Лермонтова [Текст]: последний год поэта. СПб: Вита Нова, 2014. – 554 с.

⁵ См. отдельный раздел о дуэли в его комментариях к «Евгению Онегину» (1980) и переработанный вариант книги «Беседы о русской культуре» (1994).

⁶ *Востриков А. В.* Книга о русской дуэли. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1998. – 343 с.

⁷ *Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. СПб: Пушкинский фонд, 2002. – 284 с.

⁸ *Кацура А. В.* Поединок чести: Дуэль в истории России. М.: Радуга, 1999. – 340 с.

сожалению, произведения, написанные А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым, в которых дуэль оказывалась крайне важным элементом сюжета и композиции, не явились предметом подробного рассмотрения Рейфман.

В истории изучения дуэли в российском литературоведении можно выделить три основные группы исследований: первая сосредоточена на дуэли и связанной с ней проблематике на материале одного конкретного произведения или творчества одного писателя. В связи с этим отметим статью Д.В. Парамонова⁹, посвященную дуэли в поэме «Песня про... купца Калашникова», статью Н.В. Касимцевой¹⁰ о теме дуэли в произведениях Тургенева, статью М.М. Смирнова¹¹, посвященную дуэли в повести «Дуэль» А.П. Чехова. Вторая группа исследований касается сопоставительного анализа поединков в разных произведениях. Среди этих работ выделим статьи М.А. Курбановой и К.С. Назарбека¹², Н.П. Утехина¹³, Р.Г. Назирова¹⁴, А.В. Вострикова¹⁵, Н.Е. Разумовой¹⁶. Наконец, выделение третьей группы обусловлено тем, что гибель Пушкина и Лермонтова на дуэлях превратилась в отдельное направление научных исследований. В этой группе следует отметить статьи В.Б. Катаева¹⁷ и Л.В. Карасева¹⁸, в которых контекст пушкинского и лермонтовского поединков прослеживается в повести Чехова «Дуэль».

⁹ Парамонов Д. В. Потешный бой или судный поединок? (к вопросу о художественной реализации нравственно-философского аспекта поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова») // *Philologos*. 2015. № 27(4). С. 49–53.

¹⁰ Касимцева Н. В. Дуэль как театральное представление в повести И. С. Тургенева «Вешние воды» // *Тропинка в науку: Сборник работ научного общества студентов филологического факультета*. Вып. 8. Воронеж, 2021. С. 47–53. Касимцева Н. В. Тема дуэли в повести И. С. Тургенева «Бретер» // *Тропинка в науку: Сборник работ научного общества студентов филологического факультета*. Вып. 8. Воронеж, 2021. С. 53–57.

¹¹ Смирнов М. М. Дуэль в «Дуэли» // *Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература: сб. научных трудов*. М., 1978. С. 66–72.

¹² Курбанова М. А., Назарбек К. С. Защита чести человека на дуэлях в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // *Известия ВУЗов Кыргызстана*. 2018. № 5. С. 211–217.

¹³ Утехин Н. П. Тема дуэли в русской литературе (предисловие) // *Дуэль. Повести русских писателей*. М.: Правда, 1990. С. 3–22.

¹⁴ Назиров Р. Г. Мотив предрешенной дуэли у Бальзака, Лермонтова и Достоевского // *Российский гуманитарный журнал*. 2014. Т. 3. № 5. С. 312–320.

¹⁵ Востриков А. В. Тема «исключительной дуэли» у Бестужева-Марлинского, Пушкина и Лермонтова // *Русская литература*. 1993. № 3. С. 66–72.

¹⁶ Разумова Н. Е. Повесть А. П. Чехова «Дуэль»: дуэль в большом мире // *Русская повесть как форма времени*. Томск: Издательство Томского университета, 2002. С. 238–248.

¹⁷ Катаев В. Б. Два поединка («Княжна Мери» и «Дуэль») // *Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники*. М.: Яз. славян. культур, 2004. С. 37–43.

¹⁸ Карасев Л. В. Вокруг дуэли: от Пушкина к Чехову // *Человек*. 2013. № 3. С. 138–146.

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что идейно-смысловая составляющая темы дуэли в русской литературе в настоящее время не исследована в полной мере.

Научная новизна заключается в том, что в диссертации впервые осуществлено системное представление художественной функциональности дуэли в русской литературе XIX в. в социальном, психологическом, философском аспектах.

Методология и методы исследования. При выполнении работы основным является комплексный междисциплинарный подход, что означает применение таких методов исследования, как культурно-исторического, социологического, психологического, сопоставительного, герменевтического, аксиологического, структурного.

Наиболее важными для настоящего исследования являются работы И.В. Рейфман, А.В. Вострикова, Я.А. Гордина, Ю.М. Лотмана, В.М. Марковича, Д.Д. Благого, С.Г. Бочарова, Н.Н. Петруниной, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, Б.Т. Удодова, Т.К. Черной, Б.М. Эйхенбаума, О.Я. Поволоцкой, В.Э. Вацура, Г.В. Москвина, И.З. Сермана, Ю.В. Лебедева, Г.А. Бялого, О.Е. Гевели, Г.Ю. Филипповского, В.Ш. Кривоноса, В.В. Виноградова, К.В. Мочульского, Н.А. Бердяева, Вяч.И. Иванова, В.Б. Катаева, Н.Е. Разумовой, М.А. Курбановой и К.С. Назарбека.

Объектом исследования являются тема дуэли, ее обнаружение (мотивы, эпизоды, сцены) в произведениях русской классики XIX в. **Предмет** исследования – системное осмысление феномена дуэли в русской литературе XIX в. в ее идейно-художественных и социально-исторических аспектах. **Материалом** диссертационного исследования выступают произведения, в которых содержатся наиболее репрезентативные эпизоды и сцены дуэли, как романы «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», повесть «Выстрел» А.С. Пушкина; роман «Герой нашего времени», поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова; повесть «Бретер», романы «Рудин», «Отцы и дети»

И.С. Тургенева; роман «Война и мир» Л.Н. Толстого; роман «Бесы» Ф.М. Достоевского; пьесы «Иванов», «Медведь», повесть «Дуэль» А.П. Чехова.

Цель настоящей работы связана с раскрытием эволюции ценностной наполненности феномена дуэли в русском историко-литературном процессе XIX века. Сообразно с поставленными целями в работе предполагается решение следующих **задач**:

- 1) выявить в русской литературе XIX века сюжеты, мотивы, эпизоды и сцены, содержащие изображение дуэли;
- 2) проанализировать идейно-художественную роль выявленных текстов;
- 3) определить релевантный проблемный дискурс для представления темы дуэли в русской литературе XIX века;
- 4) проследить процесс развития конфликта между участниками дуэли в анализируемых произведениях;
- 5) обобщить культурно-историческое значение дуэли как явления русской литературы XIX века.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке принципов и методики анализа художественной функциональности, идейно-смыслового содержания сюжета дуэли в русской литературе XIX века.

Практическая значимость работы состоит в возможном использовании результатов работы при чтении лекционных курсов по русской литературе XIX века, составлении спецкурсов, проведении семинарских занятий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Установление дуэльной традиции в России в 1800-е – 1840-е гг. отражается в широком спектре ее воплощения в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: историко-культурных («Евгений Онегин»), экзистенциальных («Выстрел»), социальных («Капитанская дочка»), нравственно-философских («Герой нашего времени»), социально-исторических («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»).

2. Дуэль в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина представлена как неизбежный исход отношений Онегина и Ленского; дуэль в повести

«Выстрел» показана как символическая сцена доказательства равенства между Сильвио и графом, через нее романтически возвышается образ бретера Сильвио; дуэль в романе «Капитанская дочка» представляет собой утверждение чести как высшей ценности человека.

3. Дуэль в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова можно рассматривать как своеобразный отклик на *уваровскую триаду* «самодержавие, православие, народность»; дуэль между Печориным и Грушницким в повести «Княжне Мери» понимается как суд главного героя над миром; во всем романе наблюдается *метафизическая дуэль Печорина с судьбой* как олицетворенным противником героя.

4. С середины XIX в. происходят значительное ослабление общественного внимания к дуэли и дискредитация ее роли в русской литературе: во-первых, развенчание романтического и возвышенного ореола дуэли (повесть «Бретер» И.С. Тургенева и роман «Война и мир» Л.Н. Толстого); во-вторых, коренная причина деградации исследуемого феномена заключается в исторической обреченности русской аристократии (роман «Отцы и дети» И.С. Тургенева); в-третьих, кризис нравственной роли дуэли (роман «Бесы» Ф.М. Достоевского).

5. В ряде произведений А.П. Чехова (пьесы «Иванов», «Медведь», повесть «Дуэль») наблюдалось усиление интереса к теме дуэли, т.е. проблематика предшествующей русской литературы XIX в. стала историческим фактом, игравшим принципиальную социально-культурную роль в конце XIX – начале XX вв.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова, также в 6 докладах, представленных на международных и всероссийских научных конференциях в 2021-2023 гг.:

1) «Дуэль Печорина с Грушницким как суд героя над миром» — 29 октября 2021 г., Всероссийский круглый стол (с международным участием) «180 лет

со дня гибели М.Ю. Лермонтова». Организатор конференции: кафедра истории русской литературы, филологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

2) «Символическое значение передачи записок Печорина Максимом Максимычем странствующему литератору» — 5 июня 2022 г., VI Международный научный методологический семинар «М.Ю. Лермонтова: проблемы творчества и эстетической жизни наследия». Организатор конференции: кафедра русской классической литературы МГОУ, Москва.

3) «Дуэль Печорина с Грушницким как суд героя над миром» (переработанный вариант) — 14 октября 2022 г., Международные XVII «Лермонтовские чтения. Творчество М.Ю. Лермонтова: проблемы изучения и интерпретации». Организатор конференции: Центральная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, Санкт-Петербург.

4) «Внутренняя дуэль Печорина в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» — 29 октября 2022 г. на всероссийском круглом столе с международным участием «Феномен М.Ю. Лермонтова». Организатор конференции: кафедра истории русской литературы, филологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

5) «Феномен дуэли в “Журнале Печорина”» — 25 мая 2023 г., Международная научная лермонтовская конференция «Источники по лермонтоведению и изучению лермонтовских мест». Организатор конференции: Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, Пятигорск.

6) «Метафизика дуэли в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» — 26 октября 2023 г., круглый стол «Феномен М.Ю. Лермонтова». Организатор конференции: кафедра истории русской литературы, филологический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Работа прошла апробацию на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при защите научно-квалификационной работы.

Структура научно-квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на 12 параграфов, заключения, библиографии, включающей 236 позиций. **Общий объем** диссертационной работы составил 180 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект, предмет и материал исследования, обосновываются его теоретическая и практическая значимость. Определены цели, задачи и основные методы работы, представлена история вопроса, охарактеризованы степень разработанности тематики исследования и характеристика методологической базы, приводятся основные положения, выносимые на защиту, сообщается об апробации.

Первая глава «Дуэль в русской культуре и литературе» состоит из двух параграфов.

В §1.1 «**Дуэль в русской культуре: история развития**» даются общее представление о развитии дуэли в России и краткая история ее изучения. На основе исследований Ю. М. Лотмана, А. В. Вострикова, Я. А. Гордина, А. В. Кацуры, выявляются следующие присущие русской дуэли важные признаки:

Во-первых, дуэль имеет в России более чем 250-летнюю историю. Первая задокументированная дуэль в России произошла в 1666 г. между иностранными наемниками. В течение XVIII в. наблюдалось медленное приятие этого иноземного обычая, что, видимо, не в последнюю очередь обуславливалось строгим запретом на участие в поединках со стороны самодержавной монархии (особенно Петра I), а также отсутствием ясного представления о чести в ее европейском значении. С восьмидесятых годов XVIII в. количество поединков постепенно увеличивалось. 1800-е – 1840-е гг. – период широкого распространения дуэльного обычая среди русских дворян, особенно после заграничных походов русской армии в 1813 – 1815 гг. С середины XIX в. на фоне постепенной утраты дворянством ведущей роли и выдвижения разночинной

интеллигенции дуэль как социально-культурное явление претерпела девальвацию. Однако после фактической легализации дуэли в 1894 году количество поединков вновь резко возросло. Наконец, во время Первой мировой войны дуэль в России полностью исчезла. Таковы основные хронологические рамки развития дуэли в истории России.

Во-вторых, суровая государственная политика смогла только в определенной степени предотвратить распространение дуэли в связи с необязательным практическим исполнением законов: ни при Петре, ни после него никто не был приговорен к смертной казни за участие в дуэли. Причины этого сложные, и немаловажную роль здесь играла личная позиция царствующего монарха.

В-третьих, русская дуэль, в частности в первые четыре десятилетия XIX в., характеризуется исключительной жестокостью. В отличие от Европы, где при малейшей царапине можно было прекратить поединок (здесь достаточно была сама демонстрация готовности дуэлянтов к риску и бою за оскорбление чести), в России *нерезультативная* (бескровная) дуэль часто вызывала насмешку или ироническое отношение.

В-четвертых, важное место в культурной памяти о русской дуэли занимает А.С. Пушкин, который выступил как «эталонный дуэлянт» (Я.А. Гордин) и внес большой вклад в разработку национального понятия личной чести – корня русской дуэли.

В §1.2 «Дуэль в русской литературе XIX века: история изучения» приводится история изучения указанной темы в научной литературе.

Вторая глава «Феномен дуэли в 1800-е – 1840-е гг. (период установления дуэльной традиции в русской литературе)», разделена на две части (2.1. «Дуэль в творчестве А.С. Пушкина» и 2.2. «Дуэль в творчестве М.Ю. Лермонтова»), и включает в себя 6 параграфов, которые представляют собой литературоведческий анализ дуэлей в произведениях двух писателей с опорой на предшествующий опыт изучения вопроса.

В §2.1.1. «**Дуэль в романе в стихах “Евгений Онегин”**» исследуемая проблема рассматривается в трех фундаментальных аспектах: зарождение конфликта между Онегиным и Ленским; неминуемость будущих событий, предсказанных обильной текстовой символикой; проблематика любви как источник конфликта между приятелями и его трагической развязки.

Анализируя внутреннее противоречивое состояние Онегина, мы предполагаем, что юный поэт Ленский воспринимался Онегиным как *зеркало* воспоминаний, что в характере описания их знакомства и сближения содержится прогноз неизбежной дуэли. Сложные отношения между дуэлянтами обнаруживаются в мизантропическом характере Онегина, идущем вразрез с его парадоксально снисходительным отношением к Ленскому.

Особое внимание уделено инициативе Татьяны (имеем в виду любовное письмо и сон героини), поскольку в этих двух событиях показывается символика неизбежности и трагичности исхода будущей дуэли. Делается вывод, что мщение Онегина Ленскому на балу – далеко не пылкий мальчишеский поступок, оно побуждено невольным сочувствием Онегина Татьяне, и по сути, является поражением героя во внутренней борьбе со своей хандрой, что привело к вызову на дуэль. Учитывая исторический контекст романа, Онегин и Ленский становятся «невольниками чести», дуэль для них оказывается неизбежным и вынужденным исходом конфликта, уступкой «деспотии обычая».

В § 2.1.2. «**Дуэль в повести “Выстрел”**» утверждается, что Пушкин придал каждому дуэльному эпизоду в «Выстреле» свой характер и смысл, в которых образ Сильвио сначала вроде бы играет соответствующую *знаковую* роль (беспощадный бретер, образцовый гусар, злобный мститель), однако с каждой последующей неожиданной, необычной их развязкой, образ Сильвио обновляется и усложняется, и последний выстрел Сильвио на дуэли с графом – символическая сцена доказательства равенства между героями.

Первая дуэль между Сильвио и графом представляет собой сопернический вызов, побужденный «страстью первенства» главного героя и ограниченный его узким восприятием гусарского духа, – герой не проникся существенными для

воспетого Давыдовым гусарского духа *поэтическими, благородными и патриотическими* чувствами, не осознал, что гусарская «слава» оказывается относительной и временной, зависимой от обстоятельств. Глубинная причина, объясняющая необычную развязку первой дуэли с графом (отложенный выстрел), заключается в том, что во время поединка Сильвио пережил сокрушительное мировоззренческое потрясение и морально-нравственное поражение. Последнего герой не мог принять потому, что продемонстрированное морально-нравственное превосходство графа, на его взгляд, также было относительно и временно, как его гусарская «слава», отсюда его жажда мести. И следовательно, конфликт героев превратился из социального в нравственный.

Судя по всему, доминирующий мотив поведения Сильвио на последней дуэли – уже не «первенство», определяющее его прежние сопернические отношения с окружающими людьми, а «равенство»: герой доказал, что граф также мог унизиться, пренебречь законом чести, как он поступил на первой дуэли. Следовательно, эти две дуэли между Сильвио и графом, несмотря на их разные конкретные обстоятельства, по сути, оказываются *одним и тем же событием*, в котором противники лишь меняются ролями: последний выстрел Сильвио в картину приобретает такое же демонстративное значение, как выстрел графа в фуражку, показывающий свое *возможное* благородство. Таким образом, намерение Сильвио достичь равенства с графом, будучи *скрытым* мотивом на протяжении большей части действия, приоткрывается только в финале.

В § 2.1.3. «Дуэль в романе “Капитанская дочка”», дуэльная сцена не только является воссозданием ситуации «периферийного бытового поединка» (Я. Гордин), входящего в широкую историческую панораму России во время Пугачевского восстания, но и оказывается своего рода изображением иного волнующего Пушкина обстоятельства – нравственного распада дворянского сословия в 1830-е гг. (в данном случае оно метафорически отражается в поведении Швабрина), и в завершённом Гриневым действии содержится искренний призыв Пушкина к «чести» – заветное слово, появившееся в эпиграфе ко всему роману («Береги честь смолоду»).

Для выяснения данной позиции необходимо обратиться к следующим аспектам проблематики: 1) отношение Пушкина к дворянству с личным пристрастием и высокими социальными ожиданиями (особо отражается в его идее «революции сверху»); 2) отражение нравственного распада дворянства 1830-х гг. в изменении, иногда даже исчезновении выработанного сурового представления о чести в практике дуэли; 3) пушкинское понимание чести как высшей ценности человека («независимость, храбрость, благородство»), чему дворянам должно учиться; 4) на основе вышеизложенного возможен пересмотр соотношения Гринева и Швабрина как героев-двойников. Имея в виду, что Пушкин разделяет единого романного героя на «интеллектуальное» начало (Швабрин) и «этическое» начало (Гринев), которые могли и должны бы дополнить друг друга, однако ставит их в конфликтное положение (соперники в рамках любовной линии сюжета). Пушкин, с одной стороны, показывает, к какому опасному пути бесчестья может привести оторванная от корней, ни на что не опирающаяся интеллектуальность (наглый клеветник, интриган – жестокий убийца – и далее, презренный предатель), с другой – какую силу может обрести человек с этическим началом, что позволяет ему не только *не поддаться* обстоятельствам, но и *возвыситься* над ними.

§ 2.2 «Дуэль в творчестве М.Ю. Лермонтова» включает в себя 3 параграфа. В **§ 2.2.1. «Дуэль в поэме “Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова”»** исследование развивает идею И.З. Сермана связывать смысл поэмы с концепцией Уварова. Исследователь выдвинул предположение о том, что в поступках и поведении Калашникова «раскрыто реальное содержание двух элементов уваровской триады» – православие и народность.

Поэма состоит из трех частей, в которой описаны «царский двор», «семейная этика», «народные забавы» (А.В. Шмелева), и центральный мотив, объединяющий сюжетные линии – «мотив чести и правды, понимаемой в христианско-православном ключе» (Г.Ю. Филипповский). Кульминационное событие поэмы – месть Калашникова в кулачном бою приобретает

символическое значение, по сути, ее можно рассматривать как дуэль, на которой образы Калашникова и Кирибеевича воплощают две составные части русского народа: первая – исконно русская, восходящая к наследию Киевской Руси; вторая – иноземная, «бусурманская», у которой нет русских корней.

Выходя на дуэль, Калашников «поклонился прежде царю грозному, // После белому Кремлю да святым церквам, // А потом всему народу русскому» – это естественное проявление того самого духа, унаследованного им от своих предков. В допросе царем Калашникова *уваровская триада* – «самодержавие, православие, и народность» представлены как единое естественное целое: сам герой гибнет как «мученик за высшую правду» (Г.Ю. Филипповский), семейную честь и личное достоинство; царь Иван Васильевич решил казнить Калашникова за совершение убийства, в то же время оказать «милость» к жене, детям и братьям героя за полученный честный ответ – это живое воплощение царского самодержавия, и недаром он дважды называл Калашникова «детинушкой», он казнит не злодея или непослушного, а как «отец казнит сына, нарушившего его высшую волю» (А.Л. Казин). И, наконец, народ как свидетель поединка и казни не протестует открыто против воли царя, но по-разному выражает свое сочувствие Калашникову, сохраняет его историю в народной памяти.

Таким образом, через центральное событие поэмы – дуэль Калашникова и Кирибеевича, *уваровская триада*, выродившаяся в доктрину николаевского времени, получает воплощение в хронологически удаленной от современности условной исторической эпохе как естественное *духовное* целое. Лермонтов изображает прошлое России, оно оказывается своеобразным откликом на современность, и в нем проявляется глубокое беспокойство писателя за Родину, что нашло прямое выражение и продолжение в стихотворении 1838 г.: «Гляжу на будущность с боязнью, // Гляжу на прошлое с тоской // И, как преступник перед казнью, // Ищу кругом души родной <...>».

В § 2.2.2. «Дуэль в повести “Княжна Мери”» для выявления сути и значения дуэли между Печориным и Грушницким проведен анализ личности главного героя Печорина и внутренних мотивов его поведения, осуществлены

наблюдения над динамикой конфликта между дуэлянтами. По итогам исследования сделан вывод о том, что дуэль и ее кровавый исход представляют собой личный выбор принципиального характера для обеих сторон; особенно для Печорина, эту дуэль можно понимать как художественную метафору суда главного героя над миром, и прежде всего, над самим собой. Так, если проследить состояние Печорина до самого начала дуэли, то найдутся веские основания сомневаться в том, что у него было бессознательное желание смерти, которое в первую очередь связано с утратой интереса к жизни; тем не менее состояние героя осложняется удручающими открытиями и глубоким разочарованием, поэтому герой решил отдать себя слепому жребию – это его суд над самим собой еще перед поединком.

Грушницкого, по сути, на всем протяжении схватки (как во время вызова, так и во время самой дуэли) Печорин побуждал сделать нравственный выбор, пытался найти в душе противника проблески благородства, и в конечном счете оставил его перед выбором: если тот не откажется от своей клеветы, он будет «приговорен» Печориным к смертной казни. Только в последнюю минуту жизни, молодой юнкер постиг правду о себе и осознал, что оказался низким и жалким перед Печориным. Не справившись с сильным нравственным ударом, он выбрал смерть с ненавистью к Печорину, но и одновременно с презрением к себе. Таким образом, завершается «суд» Печорина. Дуэль, как и другие *поворотные* поступки главного героя, имеет «аксиологическую основу» и проистекает «соответственно масштабу и глубине проблемы – принимать или не принимать этот мир, в котором человек не может обрести счастье» (Г.В. Москвин).

В § 2.2.3. «*Метафизика дуэли Печорина с судьбой в романе “Герой нашего времени”*» тема судьбы рассмотрена в особом ракурсе. Выдвинуто предположение о том, что глубинный конфликт романа, как ни покажется странным, поименован самым Печориным в последней фразе – «метафизические прения» между собственной волей и судьбой, наблюдаемые на протяжении всего романа, происходящие от признания героем существования судьбы и обвинения ее во вмешательстве в человеческую жизнь еще в «Тамани». Два события –

поединок героя с Грушницким в «Княжне Мери», и испытание героем судьбы в «Фаталисте» оказываются ключевыми в развитии печоринского отношения к судьбе.

Выдвигается гипотеза о том, что, помимо открытой и конкретной дуэли Печорина с Грушницким, в сцене скрывается другая – своего рода *метафизическая дуэль с судьбой*. И для ее интерпретации крайне важны два высказывания героя: одно, обращенное к доктору Вернеру («Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...»), – Печорин хотел быть убитым не Грушницким, а судьбой, из-за глубокого отчаяния; другое – к Грушницкому («Если вы меня не убьете, то я не промахнусь») – однако, если *пуля судьбы* Печорина не убьет, герой будет *продолжать сценарий*¹⁹ по собственной воле (убийство Грушницкого), а судьба, несмотря на предыдущее несовпадение *их сюжетов*, будет «играть в соавторстве» с героем. Поведение Печорина на дуэли с Грушницким можно понимать «как проявление человеческой воли, но одновременно и как принятие воли судьбы» (Т.К. Черная).

В «Фаталисте» именно испытание Вуличем судьбы обусловило обострение «метафизических прений» Печорина с судьбой и вызвало его дальнейшие действия. Испытание Вуличем судьбы осуществляется в двух проекциях: его несостоявшийся выстрел себе в голову и точное предвидение Печорина. Они противоречивы по идейно-смысловой сути – отрицанию или утверждению возможности достижения «высшего состояния самопознания», при котором «человек может оценить правосудие Божие». «Метафизические прения», которые постоянно происходят в голове у Печорина, в тот момент превращаются в своего рода *идейный антагонизм*, устанавливая тем самым причинно-следственную связь между двумя реальными испытаниями судьбы: «подобно Вуличу», Печорин «вздумал испытать судьбу», и он успешно обезоружил казака-убийцу. В итоге эта *метафизическая дуэль* оказывается концептуально «незавершенной», однако небезрезультатной: Печорин утвердил равенство

¹⁹ Печорин так восхищался перед доктором Вернером началом спектакля, в котором княжна Мери и Грушницкий выступали как главные актеры: «Завязка есть! <...> об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно».

собственной воли и судьбы, что поддерживает его в продолжении жизненного пути и нескончаемого поиска.

Третья глава: «Эволюция темы дуэли в русской литературе (1840-е – 1890-е гг.)» включает в себя две части, четыре параграфа. Первая часть (**3.1. «Девальвация дуэли в русской литературе в 1840-е – 1870-е гг.»**) состоит из трех параграфов, вторая часть представлена как отдельный параграф, посвященный изучению темы дуэли в творчестве А.П. Чехова.

В § 3.1.1. **«Развенчание романтического ореола дуэли. Образы бретеров в повести “Бретер” И.С. Тургенева и романе “Война и мир” Л.Н. Толстого»** акцентируется внимание на том, что тема дуэли в русской литературе в 1840-е – 1870-е гг. характеризуется значительным *ослаблением* сюжетообразующей функции и «побледнением» (Ю.Н. Тынянов) ее идейно-смысловой содержательности. Типичным примером этого служит конфликт между Рудиным и Лежневым, выступающими в позиции соперников в рамках любовной линии в романе «Рудин». Повесть «Бретер» Тургенева и эпизод дуэли Пьера с Долоховым из романа «Война и мир» Толстого рассматриваются как примеры дискредитации дуэли. Оба писателя изображают дуэль как антигуманное дело, развенчивают романтический героический ореол, который был характерен дуэли в эпоху Пушкина и Лермонтова.

В повести «Бретер» все проявленные в Лучкове черты личности позволяют отнести его к числу *антигероев*, а показанная сцена поединка – бессмысленное убийство. Образ *бретера-антигероя* Лучкова, по сути, связан с тургеневской творческой позицией «социального реализма», для которого тема *человечества и общества* становится гораздо более волнующей и актуальной, чем тема *героя и общества*. Толстой также видит в первую очередь глупость и нелепость дуэли, однако разрабатывает эту тему по-другому. В «Войне и мире» писатель составляет психологический портрет образа Долохова на основе «индивидуалистической», «наполеоновской философии» (О.Е. Гевель), его бретерское поведение нравственно-психологически оправдано через обезличивание противника, так что, дуэль превращается в охотничью игру,

гибель человека на ней отождествляется с убийством медведя. Отрицательное отношение Толстого к дуэли прямо сказывается через «диалектику души» Пьера, а также неожиданную развязку поединка с опытным игроком-бретером Долоховым.

В § 3.1.2. «Дуэль в романе “Отцы и дети” И.С. Тургенева» рассматриваются сложные конфликтные отношения Базарова и Павла Петровича, которые приобретают одновременно личный и надличный характер. В связи с этим, дуэль, изображенная в XIV главе романа, не допускает изолированного рассмотрения. Важными эпизодами для наблюдения над динамикой конфликта оказываются первая встреча героев, описанная в IV главе романа, и их словесная «схватка» в X главе, через которые обозначается категорическая несовместимость идейно-политических позиций «отцов» и «детей».

Отдельное внимание уделено теме любви Базарова к Одинцовой, позволяющей раскрыть романтическую натуру героя. Утверждается, что образ Базарова в первой части романа абстрагируется, в результате чего герой представляется своего рода *пророком*. Сопоставление сцен встреч Базарова с Фенечкой показывает своего рода *секуляризацию* образа Базарова, что приводит к участию в рыцарском поединке, причиной которого становится посягательство на личную честь и достоинство.

Поступки Павла Петровича во всей сцене дуэли изображаются в ироническом ключе. Делается вывод, что дуэль и ее исход в романе «Отцы и дети», с одной стороны, знаменуют историческую обреченность русской аристократии – главного носителя и приверженца дуэльной традиции, с другой – оказываются одной из смысловых составляющих, откликающихся на центральную идею романа «о вечном примирении и о жизни бесконечной».

В § 3.1.3. «Дуэль в романе “Бесы” Ф.М. Достоевского» главный герой сталкивается с двумя конфликтами чести: конфликт с Шатовым, который заканчивается тем, что Ставрогин воздержался от дуэли и снес пощечину; в результате конфликта с Гагановым герой три раза стрелял в воздух. В основу

исследования кладется положение о том, что оба происшествия служат раскрытию образа Ставрогина как «индивидуалиста крайнего» (Н.А. Бердяев), в сознании которого намечаются деформация и аберрация нравственных ценностных ориентиров. Снова появившийся Ставрогин не человек, поднявшийся со дна разврата, хаоса и беснования, возродившийся, а «отступник», которого «постигла духовная смерть при жизни» (К.В. Мочульский).

Суть поведения Ставрогина в этих двух конфликтах определяется как ложное смирение, и оно раскрывается в ночном посещении героем Шатова перед дуэлью с Гагановым. Утверждается, что в отличие от поведения князя Мышкина в «Идиоте», который принял пощечину от Иволгина и показал естественное христианское смирение, смирение Ставрогина после получения пощечины указывает на «высшее проявление гордыни» (Л.П. Голина). Герой, уже утомленный злодействами, теперь ищет для себя тяжелое «бремя», чтобы вновь развить свою кажущуюся «беспредельную силу» духа. Однако чувство «боли» Ставрогина при воспоминании о пощечине в то же время подсказывает другую правду о нем: эта пощечина – тяжесть нанесенного им оскорбления, оказывается для героя едва ли не непосильной. Именно поэтому он принял вызов Гаганова на дуэль – герой *выбрал, назначил* для себя бремя «удобоносимое», отказавшись от бремени, которого он «не может снести». Получается, что на дуэли с Гагановым Ставрогин «не убивает из презрения, из гордыни то есть, а не по доброте натуры, не по “неучастию в крови по совести”» (Л.П. Голина), в этом заключается суть кризиса нравственной роли дуэли в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского.

В § 3.2. «Модификация темы дуэли в русской литературе к концу XIX в. Смена парадигмы изображения дуэлей в творчестве А.П. Чехова (на примере пьес “Иванов”, “Медведь” и повести “Дуэль”») акцентируется внимание на статье М.А. Курбановой и К.С. Назарбека «Защита чести человека на дуэлях в русской литературе рубежа XIX–XX вв.», в которой ученые дают подробное толкование «уродливой» сути феномена дуэли отмеченного периода и

выдвигают важную гипотезу о его отражении в литературе: русская литература рубежа XIX–XX вв. «в яркой художественной форме запечатлела смену парадигм в обрисовке дуэлей, когда поединки большей частью становились только формой стилизации, пародирования, реминисценций»²⁰.

При анализе описанных дуэлей в творчестве А.П. Чехова делаются следующие выводы: в «Иванове» тема дуэли намечается в репликах Боркина и Львова в конце пьесы, хотя для обеих сторон она не имеет практического смысла, а служит лишь эмоциональным выражением отношения Львова к оппоненту. В «Медведе» дуэль представлена как своеобразное водевильное действие: Чехов травестирует один из традиционных мотивов поединка – любовный, когда мужчины стреляются из-за женщины, делает дуэлянтами Смирнова и Попову. Комичность и драматичность дуэли проявляются в нетипичных завязке и развязке конфликта.

В повести «Дуэль» тема поединка разработана Чеховым по-другому. Она значима не только по своей конструктивности в разрешении конфликта между героями-антагонистами Лаевским и фон Кореном, но и потому, что она как «форма реминисценций» играет существенную роль в расширении смысловых границ повести. При изучении проблемы реминисценций в чеховской «Дуэли» особо следует отметить позицию В.Б. Катаева, изложенную в его статье «Два поединка (“Княжна Мери” и “Дуэль”»)²¹, в которой ученый убедительно доказывает близость чеховской повести к «Княжне Мери» Лермонтова. При этом подчеркивается существенное различие между двумя поединками: дуэль в «Княжне Мери» оказывается своего рода *судом* Печорина, для которого убийство Грушницкого приобретает онтологическую необходимость; а дуэль в чеховской повести подвергается категорическому ее неприятию. Чехов через изображенный поединок отражает свое переосмысление аксиологической обоснованности этого аристократического обычая, *лихорадочно*

²⁰ Курбанова М. А., Назарбек К. С. Защита чести человека на дуэлях в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2018. № 5. С. 212.

²¹ Катаев В. Б. Два поединка («Княжна Мери» и «Дуэль») // Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. М.: Яз. славян. культуры, 2004. С. 37–43.

распространившегося в начале XIX века, и придает «повествованию характер нравственно-философского диспута о жизни и человеке» (А.П. Черников).

В **заключении** выявляются следующие конкретные характеристики дуэли на разных этапах ее эволюции в русской литературе XIX века.

Дуэль как литературный элемент описания конфликтных отношений персонажей в 1800-е – 1840-е гг. (период установления дуэльной традиции в русской литературе) имеет важную конструктивную функцию. В произведениях Пушкина и Лермонтова представлены драматичнейшие сцены дуэлей, в каждой из которых звучит отличительный лейтмотив: *любовь* («Евгений Онегин»), *равенство* («Выстрел»), *честь* («Капитанская дочка»), *правда/истина* («Песня про... купца Калашникова»), *воля* («Герой нашего времени») – именно они составляют общий эстетический портрет русских героев-дуэлянтов отмеченного периода.

С середины XIX в., когда развенчивается романтический ореол дуэли, общий колорит ее изображения в русской литературе приобретает характер критический, иронический, отрицательный. Наблюдаются значительное ослабление сюжетообразующей функции дуэли, а также «побледнение» (Ю.Н. Тынянов) ее идейно-смысловой содержательности («Рудин»). В отличие от произведений Пушкина и Лермонтова, в которых часто изображены разные «исключительные»²² поединки, в художественных произведениях 1840-х – 1870-х гг. намечаются тенденции типичного представления о бретерстве как злодействе («Бретер» и «Война и мир»), обращения к сословному характеру дуэли («Отцы и дети»), также переоценки ее нравственной роли («Бесы»).

Своеобразная модификация темы дуэли к концу XIX в., отраженная в «смене парадигмы» дуэли в творчестве А.П. Чехова, по сути, оказывается «новым словом», принесенным писателем в русскую литературу и вырвавшимся на поле критического усвоения Чеховым литературного опыта предшественников.

²² Об «исключительном» характере дуэлей в период расцвета поединка см.: *Востриков А.В.* Тема «исключительной дуэли» у Бестужева-Марлинского, Пушкина и Лермонтова // *Русская литература.* 1993. № 3. С. 66–72.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях

- 1) *Чжан Явень*. Дуэль как неизбежный исход отношений Онегина и Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Литература в школе. 2023. № 6. С. 65–73. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-65-73 (ВАК, ИФ РИНЦ 0,072)
- 2) *Чжан Явень*. Дуэль Печорина с Грушницким в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как суд главного героя над миром // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 103–109. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-103-109 (ВАК, ИФ РИНЦ 0,317)
- 3) *Чжан Явень*. Дуэль как «последний вздох» аристократии (к поединку Павла Петровича Кирсанова с Евгением Базаровым) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 192–195. DOI 10.37882/2223-2982.2024.04.39 (ВАК, ИФ РИНЦ: 0.092)
- 4) *Чжан Явень*. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Litera. 2024. № 7. С.12-21. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71171 EDN: XEPZFS URL: https://e-notabene.ru/fil/article_71171.html (ВАК, ИФ РИНЦ 0,203)